

Чжао Юньчэн усмехнулся:

— Звучит красиво, но все эти годы ты тихо и незаметно держал Няньчжи возле себя, заставляя его вращаться только вокруг твоей персоны. Любого чиновника, который пытался сблизиться с ним, ты без лишнего шума отправлял в дальние края. Ты правда думал, что сможешь обманывать его вечно?

Император Сюаньхэ опустил веки, скрывая эмоции.

Чжао Юньчэн продолжил:

— Сегодня я уже открылся ему, так что считай, я заранее предупредил. Сейчас ему как раз нужен кто-то близкий, чтобы выговориться и найти утешение, так что считай, я оказал тебе услугу, Ваше Величество. Тебе лучше поторопиться. Если я вдруг напугаю мальчишку, и он с перепугу прыгнет в постель к Ли Сянхэ, тогда все мои старания пойдут прахом. Сам знаешь, если мужчина в таком возрасте окончательно определится, переубедить его будет крайне сложно.

Император Сюаньхэ потирал нефритовое кольцо на пальце, в его глазах вспыхнула ярость:

— Что именно ты ему наговорил?

Чжао Юньчэн глубоко вздохнул, не переставая улыбаться:

— Да ничего особенного. Просто прижимал его к себе, целовал, обнимал и изливал душу. Заодно сказал, что не против, если он женится и заведёт детей. Разумеется, я не против, если Ваше Величество разделит со мной Нянь...

Свист!

Чжао Юньчэн не шелохнулся, принимая на себя всю мощь императорского гнева. Фарфоровая чашка с грохотом врезалась ему в лоб, рассекая кожу. Хлынула кровь, заливая половину лица.

Император Сюаньхэ замер, его гнев слегка поутих:

— Почему не уклонился?

Чжао Юньчэн небрежно вытер кровь и, сделав два шага вперёд, тяжело опустился на колени.

— Ваше Величество, я знаю о ваших чувствах к Цинь Няньчжи, как и о своих. Я человек, который ни во что не ставит приличия и мораль, мне плевать на общественные догмы. Но Няньчжи другой. Ему нужен щит, и я прошу вас — пощадите Ли Сянхэ. Няньчжи слишком дорожит привязанностями; если Ли Сянхэ умрёт из-за него, боюсь, остаток жизни он проведёт в муках вины и самобичевания.

Император Сюаньхэ рывкнул:

— Замолчи! Не думай, что раз я обещал тётушке сохранить тебе жизнь, ты можешь творить что хочешь и вести себя как безумец. С чего ты взял, что можешь учить меня, как поступать?

Чжао Юньчэн, невзирая на императорский гнев, поднялся на ноги:

— Ваше Величество, вы и правда думаете, что никто не видит ваших чувств к нему? Знаете ли вы, как грязно сплетничают об этом чиновники за вашей спиной? Вы не сможете его защитить! Если бы я все эти годы не пресекал слухи, они бы давно дошли до его ушей. И смог бы он тогда по-прежнему так ласково и доверчиво называть вас Пятым братом?

Император Сюаньхэ взревел:

— Тогда я перебью их всех!

Увидев его налитые кровью глаза, Чжао Юньчэн испугался и не решился больше злить его:

— Ваше Величество, самое главное — это желания самого Няньчжи.

Бешеный гнев императора мгновенно угас. Он с трудом подавил ярость, глядя на статного мужчину перед собой. В его взгляде читалась сложная гамма чувств, и он холодно предупредил:

— Чжао Юньчэн, я ценю нашу детскую дружбу, но это не значит, что ты можешь бесконечно испытывать моё терпение...

Чжао Юньчэн напрягся, но его взгляд стал лишь твёрже:

— Любого, кто попытается отобрать у меня Няньчжи, я убью. И только ради вас, Ваше Величество, я готов отступить на шаг...

Евнух Цзян Дэфу, стоявший у дверей, дрожал всем телом. О небо, да не лиса ли переродилась в господина Цинь? Боясь, что император в порыве ярости казнит Наследного принца Кана, он не смел подать голос и обливался холодным потом.

В этот момент к нему быстрым шагом подошёл евнух Юаньбао и что-то прошептал на ухо. Глаза Цзян Дэфу вспыхнули, и он тут же, изобразив крайнюю обеспокоенность, воскликнул:

— Ваше Величество! Господину Цинь внезапно стало плохо, он потерял сознание от острой боли в животе. Господин Цзин Мин уже отправился в Поместье Цинь!

— Что? Только что же был в полном порядке, как он мог внезапно потерять сознание? — Наследный принц Кан схватил Цзян Дэфу за воротник.

На лице императора Сюаньхэ, которое всегда оставалось невозмутимым, отразилась тревога:

— В Поместье Цинь!

Сделав два шага, он добавил:

— Наследный принц Кан нарушил дворцовый этикет. Отправить его обратно в резиденцию под домашний арест. Без моего приказа — ни шагу за порог.

— Что же с ним такое? Был ведь здоров, почему вдруг упал в обморок от боли?

Ли Сяньхэ был вне себя от беспокойства, вытирая шёлковым платком мелкие капли пота со лба Цинь Няньчжи.

— Ты вообще что-нибудь можешь? Ты ведь всё это время следил за его здоровьем, как ты это допустил?

Цзин Мин медленно вытащил последнюю серебряную иглу, с шумом выдохнул и только тогда нашёл силы огрызнуться:

— Раз такой умный, сам лечи! Заткнись!

Ли Сяньхэ уже хотел было броситься в драку, но тут с кровати донёсся слабый стон. Он тут же наклонился к нему:

— А-Нянь, ты как? Где именно болит?

Цзин Мин, убирая аптечку, ответил:

— Ты изначально женщина. Хотя Пилюля Обращения и изменила твой организм, сделав его не таким, как у обычных женщин, и избавив от ежемесячных недомоганий, но в дни, когда цикл должен был быть, боли всё равно будут возвращаться, причём куда сильнее, чем у других. После прекращения приёма лекарств мужские признаки начнут постепенно исчезать, следи за изменениями в теле и не нервничай. Исчезновение кадыка, изменение голоса, набухание груди — это нормально.

Ли Сяньхэ воодушевился:

— Ты хочешь сказать, что Няньчжи снова станет девушкой, и сегодняшняя боль — это признак начала цикла?

Цзин Мин на мгновение замолчал, в его голосе прозвучало раскаяние:

— Прости. Я врач и не могу тебя обманывать. Ты принимал лекарство слишком долго, у него ужасные побочные эффекты, ты подорвал основы здоровья. Ты... в этой жизни уже не сможешь иметь детей.

Ли Сяньхэ тяжело вздохнул.

Цинь Няньчжи лишь спокойно улыбнулся:

— К чему извинения? Я догадывался об этом. То, что я дожил до сегодняшнего дня — уже милость небес. Я лишь не пойму: раньше боли были терпимыми, почему же сегодня так невыносимо больно? Может, есть какая-то причина?

Цзин Мин:

— Ты ел сегодня что-то необычное или холодное? Пульс у тебя странный, словно лекарственные вещества вступили в конфликт.

Цинь Няньчжи задумался и покачал головой:

— Питался как обычно. А вне дома... пил только чай.

— Это странно, — Цзин Мин вдруг о чём-то задумался, взял руку Ли Сяньхэ и прощупал пульс. Его лицо стало серьёзным.

Цзин Мин прощупал пульс на обеих руках и произнёс:

— Это яд. Тот, кто его подмешал, действовал хитро: дозировка ничтожна, заметить её трудно. К счастью, этот яд вступил в реакцию с остатками лекарств в твоём теле, вызвав острую реакцию и боли, поэтому мы и обнаружили его вовремя. Иначе, если бы он проникал в организм дальше, даже бессмертный не смог бы тебя спасти.

Ли Сяньхэ побледнел:

— Ты хочешь сказать, что мы оба отравлены?

Цзин Мин кивнул:

— Раз обнаружили рано, я выпишу противоядие. Примешь его три дня, и всё пройдет. Что касается Няньчжи, у него и так...

Не успел он договорить, как из двора донёсся шум шагов, и дверь с грохотом распахнулась.

Ли Сяньхэ выскочил из-за ширмы, уперев руки в бока:

— Кто такой невоспитанный?! Неужели не знаете, что господин отдыхает... Ваше Величество?

Его голос дрогнул, и он рухнул на колени:

— Простите, Ваше Величество, я не знал...

Не дослушав, император Сюаньхэ обошёл его и поспешил в комнату. Отстранив Цзин Мина, он подошёл к кровати, сел и, прижав Цинь Няньчжи, который пытался встать, коснулся его лба.

— Пятый брат? Как ты здесь оказался?

— Тебе лучше? Почему ты внезапно потерял сознание?

Вспомнив, что тот упал от боли в животе, император просунул широкую ладонь под одеяло, желая проверить живот.

Цзин Мин от испуга широко раскрыл глаза и поспешил остановить его:

— Докладываю Вашему Величеству, господин Цинь потерял сознание из-за отравления, сейчас опасности нет.

Цинь Няньчжи не ожидал, что всегда сдержанный император позволит себе такую близость. Почувствовав под одеялом тёплую ладонь на своём животе, он поспешно прижал её своей рукой и пробормотал:

— Больше не болит, благодарю за беспокойство, Ваше Величество.

Император Сюаньхэ замер, медленно убрал руку из-под одеяла и поправил край, затем приказал:

— Войдите, осмотрите господина Цинь.

Цзин Мин напрягся. Седовласый старик, потирая рукава, подошёл к кровати:

— Прошу, господин Цинь, протяните запястье.

Цинь Няньчжи постарался сохранить спокойствие:

— Ваше Величество, господин Цзин уже осмотрел меня, я в порядке.

Император Сюаньхэ терпеливо уговаривал:

— У Цзин Мина неплохие навыки, но он ещё молод. Я не могу успокоиться, пусть Глава лечебницы Сунь осмотрит тебя ещё раз.

Цзин Мин за спинами других едва заметно кивнул Цинь Няньчжи, и тот медленно протянул руку.

Глава Сунь коснулся запястья, и через мгновение в его помутневших глазах мелькнуло недоверие. Он сменил руку, снова прощупал пульс, и его лицо стало ещё мрачнее. Наконец он отступил и опустился на колени перед императором:

— Ваше Величество, простите, я бессилен.

Император Сюаньхэ изменился в лице и крепко сжал руку Цинь Няньчжи:

— Что значит бессилен? С ним что-то не так?

Старый лекарь помедлил и с мольбой посмотрел на Цзин Мина:

— Слышал, что за здоровьем господина Цинь следит господин Цзин. Я не справляюсь: пульс господина Цинь слаб, сердце едва бьётся, внутренние органы истощены — это признаки смертельного исхода. Но если посмотреть на лицо господина — хоть он и бледный, в нём нет дыхания смерти. Я не могу сделать окончательный вывод, нужно провести консилиум с господином Цзином.

Император Сюаньхэ резко обернулся к Цзин Мину, от него повеяло ледяной яростью. Цзин Мин упал на колени:

— Ваше Величество, позвольте объяснить.

Цинь Няньчжи поспешно вмешался:

— Ваше Величество, это не вина господина Цзина, я сам просил его хранить молчание.

Император Сюаньхэ недоверчиво посмотрел на него. Увидев бледное лицо, наполовину скрытое одеялом, и влажные глаза, неотрывно смотревшие на него, он почувствовал, как сердце смягчилось.

В комнате воцарилась тишина, слышно было лишь дыхание.

Император Сюаньхэ, стараясь сдержать эмоции, мягко произнёс:

— Няньчжи, ты боишься меня расстроить? Но если ты не поправишься, это и есть то, что меня больше всего тревожит. Это я был невнимателен и позволил негодяям воспользоваться случаем. Тех, кто посмел поднять на тебя руку, я из-под земли достану и казнь самой мучительной смертью, чтобы утолить свою ненависть.

Слова прозвучали слишком откровенно. Глава Сунь опустил голову, внутренне содрогаясь: слухи в народе оказались правдой.

Цинь Няньчжи испугался его жестокости:

— Ваше Величество...

Император Сюаньхэ успокоил его:

— Отдыхай. Мне нужно кое-что уладить, я приду позже. Пусть Цзян Дэфу присматривает за

тобой, если что нужно — вели ему. Эй, взять всех из поместья Цинь под стражу, я сам буду допрашивать их.

Император говорил спокойно и даже мягко, но Чжоу Сы, стоявший рядом, задрожал: в прошлый раз, когда император был так же спокоен, он уничтожил весь клан маркиза Цзяньань.

Цинь Няньчжи охватила тревога. Ему казалось, что сегодня император особенно жесток. Увидев, что тот собирается уходить, он в отчаянии ухватился за его рукав.

Император Сюаньхэ остановился и увидел, как белые пальцы юноши сжимают ткань его одежды.

— Ваше Величество, все восемнадцать человек в поместье, включая дядюшку Цинь — это люди, оставшиеся от моего отца... боюсь, они не выдержат пыток...

Император взял его за руку и сжал её. Наклонившись, он положил руку обратно под одеяло и невнятно пробормотал:

— Я знаю. Отдыхай спокойно.

Сказав это, он вышел из двора, и в комнате снова стало тихо.

Цинь Няньчжи был в смятении. Случайное отравление — это как раз то, что нужно, чтобы скрыть его истощённый пульс и недолгий век. Может, стоит сослаться на тяжёлую болезнь и уйти со службы?

Вспомнив наглость Наследного принца Кана, он почувствовал, как раскалывается голова. Ему хотелось сбежать от этой круговерти интриг, забрать Ли Сяньхэ и уехать куда глаза глядят.

Тело устало, живот всё ещё ныл, веки становились тяжелее, и дыхание постепенно выравнилось.

Цзян Дэфу стоял у дверей, вспоминая убийственную ауру императора, и содрогался. Эх, похоже, в Поместье Цинь грядут перемены.

И правда: поместье было перевернуто вверх дном, всех слуг, включая Ли Сяньхэ, увели на допрос.

Когда стража выводила Ли Сяньхэ, Цзин Мин поспешил преградить им путь:

— Ваше Величество, госпожа Ли не убийца, она тоже отравлена!

Кто бы мог подумать, что всегда спокойный и хладнокровный правитель вдруг нанесёт ему удар ногой в грудь. Цзин Мин отлетел, выплёвывая кровь, но продолжал настаивать:

— Ваше Величество, госпожа Ли — невеста Няньчжи, ради него...

Император Сюаньхэ холодно отрезал:

— Если бы не Няньчжи, ты бы уже давно лишился головы за свой обман.

Глава Сунь, который ценил талантливую юношу, попытался помочь:

— Ваше Величество, пульс господина Цинь необычен, господин Цзин лучше всех знает его состояние, позвольте мне обсудить с ним историю болезни.

Чжоу Сы также попытался смягчить ситуацию:

— Ваше Величество, Ведомство инспекции уже ведёт расследование, скоро будут новости. Может, вернётесь во дворец?

Увидев недовольство на лице императора, он поспешно добавил:

— Или прогуляйтесь по поместью, это ведь место, где вырос господин Цинь.

Чжоу Сы не ожидал, что в этом неприметном поместье скрыто столько тайн.

Изначально он лишь расследовал отравление, допрашивая слуг и ища улики. Вскоре в комнате кухарки, госпожи Цзян, нашли мешочек с порошком, который оказался сильнодействующим ядом.

Чжоу Сы и глава Ведомства инспекции Шэнь Цяо, не теряя времени, доставили её на допрос, надеясь быстро закрыть дело.

Но слова старухи заставили их похолодеть:

— Цинь Няньчжи убил собственную мать! Я лишь хотела свершить правосудие и отомстить за госпожу.

Понимая, что это касается репутации господина Цинь, Чжоу Сы с дрожью доложил об этом императору.

Император Сюаньхэ в ярости разбил стол:

— Враньё! Приведите её, я сам буду допрашивать её!

Шэнь Цяо был в смятении. Когда они впервые услышали это, то тоже сочли бредом — ведь Цинь Няньчжи было всего десять лет, когда умерла его мать. Но по мере расследования у них начали закрадываться сомнения, и они не осмелились делать выводов, передав дело на суд императора.

Вскоре старуху привели в зал. Император Сюаньхэ сидел на кресле из грушевого дерева, не

произнося ни слова, но от него исходила угроза.

— Применить колодки!

Старуха закричала:

— Господин! Как вы можете пытаться без следствия? Хотите выбить ложные показания?

— Ты, ничтожная чернь, смеешь дерзить императору! — стражник ударил её, и изо рта госпожи Цзян хлынула кровь.

Она хотела молить о пощаде, но стража уже начала пытку, и зал наполнился криками. Император нахмурился: он боялся, что крики помешают Няньчжи. Чжоу Сы тут же заткнул ей рот.

Пытка продолжалась, пока старуха не потеряла сознание. Её облили ледяной водой. В начале зимы вода была подобна льду. Очнувшись от боли и холода, госпожа Цзян, охваченная ужасом, повторяла лишь одно:

— Пощадите... пощадите...

Император холодно спросил:

— Зачем подсыпала яд?

— Это... это бес попутал, жадность одолела. Каждый день подсыпала немного травы Согэ в еду... но мои слова об убийстве матери — чистая правда...

Император Сюаньхэ с жестокой улыбкой сказал:

— Раз призналась в отравлении чиновника — смерть. Увести, забить палками до смерти.

Чжоу Сы и Шэнь Цяо переглянулись. Госпожа Цзян была в шоке: она не ожидала, что император проигнорирует обвинение в матереубийстве. Перед лицом смерти она вскричала:

— Император несправедлив! Потакает новому вельможе, убившему мать ради власти!

Император Сюаньхэ в ярости приказал:

— Заткните ей рот! Забейте до смерти и скормите собакам. А тех, кто остался в её семье — туда же.

В этот момент у ворот послышался шум. Юаньбао, ученик Цзян Дэфу, вбежал в зал:

— Ваше Величество, кто-то ударил в Барабан Дэнвэнь! Обвиняют господина Цинь в отцеубийстве и убийстве брата! В Далисы уже требуют вызвать господина Цинь для допроса!

Ударить в Барабан Дэнвэнь! Обвинить нового фаворита императора в таком чудовищном преступлении!

Чжоу Сы и Шэнь Цяо почувствовали запах заговора.

Тот, кто бьёт в барабан, сначала получает двадцать ударов палками. За всё время в него били лишь трижды, и каждый раз это заканчивалось всенародным гневом и судом. Независимо от того, будет ли доказана вина, репутация господина Цинь будет уничтожена.

Император Сюаньхэ понял: это ловушка, цель которой — опозорить Цинь Няньчжи. Госпожа Цзян заслуживала смерти, но убить её сейчас нельзя — это поставит его в невыгодное положение.

Чжоу Сы спросил:

— Кто бьёт в барабан?

Юаньбао опустил голову:

— Старый слуга семьи Цинь, говорят — личный слуга покойного господина Цинь по фамилии Цзян. Об этом уже знает весь город.

Император Сюаньхэ холодно усмехнулся:

— Передай У Цзыи: господин Цинь отравлен и не может встать с постели. Пусть отложит дело на два дня.

Юаньбао поклонился и помчался выполнять приказ.

<http://bllate.org/book/18871/1842374>